

18+

АЛЕКСАНДР РАЛОТ

ЩУЗЫ

Александр Ралот

Шузы

«Издательские решения»

Ралот А.

Шузы / А. Ралот — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983179-8

Читатели не раз просили меня продолжить серию рассказов из цикла «Байки старого мельника». Их слово для меня — закон. Первая часть сборника содержит несколько новых рассказов из полюбившейся вам серии. Вторая часть книги посвящена малоизвестным событиям, произошедшем в моём городе и в Краснодарском крае, в разные годы. И в завершающей части книги — лучшие (на мой взгляд) рассказы, написанные мною за последние годы.

ISBN 978-5-44-983179-8

© Ралот А.
© Издательские решения

Содержание

БАЙКИ СТАРОГО МЕЛЬНИКА 5.0	6
Шузы	6
Абхазская АССР. Весна 1974 года	6
Первое сентября того же года. Краевой политехнический институт. Главный корпус	6
Колхоз «Заветы Ильича»	7
Сельпо колхоза «Заветы Ильича»	7
Зима того же года. Краевой центр	7
Ультраполярное вторжение	9
На следующий день	10
Стрелки или мои воспоминания о прошлых, восьмидесятих	13
По должности положена девушка	14
Пять дней спустя	16
прошло два месяца	16
Культурная программа	17
РАССКАЗЫ О ГОРОДЕ И КРАЕ	22
Гаражная история	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шузы

Александр Ралот

Евгения Ляшко *Дизайнер обложки*

© Александр Ралот, 2022

© Евгения Ляшко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4498-3179-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАЙКИ СТАРОГО МЕЛЬНИКА 5.0

Шузы

Абхазская АССР. Весна 1974 года

Не знаю, кому из руководителей министерства торговли пришла в голову эта идея. Но, в магазины маленького курортного посёлка, с красивым названием Пицунда, срочно свезли немногочисленные изделия лёгкой промышленности, произведённые в далёкой Франции.

Сомневаюсь, что главы двух великих держав, после официальных встреч и переговоров решились бы на синхронный вояж по торговым точкам. Но зарубежным журналистам и сопровождающим президента Франции Жоржа Помпиду наверное было бы приятно увидеть на прилавках знакомые лейблы.

Операция по очистке торговых складов от дефицита проводилась в «строжайшей» тайне. Но, добродушные, работники близ лежащего комбината хлебопродуктов, (состоящие в кровном родстве с «представителями торговой мафии») не преминули поделиться «инсайдерской» информацией со студентом-практикантом, из краевого политеха.

– Одну пару в руки! Твоё счастье, что размер не ходовой! И вали отсюда быстрее. Заведующая увидит, вообще магазин закроешь. – Дородная продавщица со взглядом «Ленина на буржуазию» швырнула на прилавок моднейшие туфли с верхом из настоящего импортного вельвета!

– Гони шесть рублей двадцать копеек и под расчёт. Я только открылась! Сдачи нет! И откуда ты взялся, на мою голову? Коробку ему подавай! Бери что дают! Умный выискался. И чего их мерить? Не видишь, что ли? Вельветовые, импортные. Значит растянутся точно по ноге. А коль велики будут, так у меня другого размера, для тебя, нету. Здесь не, этот, как его, вспомнила, Мон-мар-тр.

Первое сентября того же года. Краевой политехнический институт. Главный корпус

– Товарищи студенты. Комсомольцы и комсомолки. Беда пришла в колхозы края. Ящур. И наш с вами долг немедленно помочь родному сельскому хозяйству.

– Домой хоть отпустят? Переодеться? Или прям, сразу? А вместе поселят? Мы ведь теперь семья, нам положено.– Перешёптывалась за моей спиной новоиспечённая ячейка советского общества.

– Занятий в ВУЗе не будет! – Секретарь парторганизации смотрел на сидящего рядом ректора и лихорадочно листал, разложенные на столе, бумаги. – Откладываются, товарищи, на неопределённый срок. До победы над коварным врагом. Но уверяю вас! Необходимые знания вы получите. Только по ускоренной программе.

Всё это время я смотрел вниз. На свои французские «шузы». Выживут ли они в коровнике? И угораздило же сегодня их напялить? Похвастаться обновкой решил. Вот и будешь красоваться в них перед бурёнками. Надеюсь, оценят по достоинству. Полез в карман. Там лежала красненькая купюра, с портретом Ильича и мелочь. Надо по приезду, в сельмаг смо-

таться. Купить туфли, а лучше сразу ботинки. Надеюсь, денег хватит? Чай студентов-помощников колхоз будет кормить из своего котла.

– А сейчас, товарищи, дружно спускаемся, вниз. К автобусам. – Прервал мои размышления голос институтского начальника. – У кого имеются домашние телефоны, можете зайти в деканат, позвонить, предупредить. Ну, а кого нет. Оставьте записки. Секретарь развезёт.

Колхоз «Заветы Ильича»

– Значит так, мальчики. – На меня и моего закадычного друга Димку в упор смотрели огромное, зелёные глаза молоденькой колхозной фельдшерицы. – Вы их будете загонять, по одной. Вон в то стойло. А я стану делать животным уколы.

– Сапоги дадите? Сами же видите, грязища у вас непроглядная. А я, вообще-то, в летних сандалиях, – пробасил Димка.

– Это не по моей части. С этим вопросом только к председателю. Правда, его сейчас нет! И когда будет, неизвестно. У нас же ЧП в колхозе. Но когда объявится, что-нибудь придумает. И вообще вас, городских, за версту определить можно. Грязища, видите ли, у нас. Коровы, между прочим, живые существа. Они не только молоко дают, но и навоз тоже. Так что, привыкайте. К сельской среде обитания. Будете потом её с благодарностью вспоминать! Когда сметану с творожком уминать станете, в своей студенческой столовой.

Сельпо колхоза «Заветы Ильича»

– Ой, парень. Ну рассмешил. Ботинки сорок шестого размера! Да таких отродясь в нашу глушь не завозили! Потому как не купят. Нет в станице мужиков, с этакой лапищей. – Пышнотелая продавщица смеялась от души.

– Ну, может быть, калоши? – взмолился я.

Женщина молча покачала головой. А за окном что есть силы сигналила полуторка. Спешащая доставить нашу «банду» к месту спасения горемычного стада.

Зима того же года. Краевой центр

Я оторвал взгляд от чертежа. – Парторг был прав. Всё, что положено мы обязаны сделать и сдать в срок. По ускоренной программе. В прихожей зашуршало. Это почтальон просовывал в закреплённый, на двери почтовый ящик, местную газету.

Есть повод отвлечься, – пронеслось у меня в голове.

– «Высокая правительственная награда вручена председателю колхоза, за успешную борьбу с ящуром». – А вот внизу то, что надо. – «Открылся новый дом быта, оснащённый по последнему слову техники».

Хватаю со стены куртку и «лечу» туда. Может умельцы всё смогут спасти...

– Приёмщица, морща нос, вертела в руках мои, разбитые вдрызг, «Шузы». Наконец, вынесла приговор. – Импортную обувь в починку не берём. Нам и нашей, отечественной, хватает! И вообще, как вам не стыдно! А с виду интеллигентный человек! Приносить предметы, с таким запахом. У нас, между прочим, предприятие «Высокой культуры!»

Вернувшись домой, я не засел за курсовой, а вновь уткнулся в газету.

А вдруг, мне ещё раз повезёт. И я обнаружу сообщение ТАСС, о том, что наш дорогой Леонид Ильич захотел встретиться с лидером какой-нибудь капиталистической державы.

И тогда в означенное место срочно свезут «импорт»! И может быть даже наимоднейшие вельветовые «шузы»!

Ультраполярное вторжение

Август 1989 года. Министерство хлебопродуктов одной из среднеазиатских республик СССР. Главное управление мукомольно-крупяной промышленности. Отдел перспективного развития.

(Температура за окном – обычная. В тени +42. По Цельсию)

Люди моего поколения и старше помнят, что в советских конторах стояли такие аппараты односторонней связи без диска номеронабирателя. То есть, на них позвонить можно, а с них – нет. Как правило, они были ярко-красного цвета, и в центре аппарата красовался золотой герб Советского Союза. Обладатели таких телефонов страшно гордились ими: наличие сего агрегата сильно подчёркивало статус владельца.

Не знаю уж, почему, но эти устройства связи обладали скверным типом звонка. И мой организм со временем выработал стойкую антипатию к мелодиям этого агрегата. Если то, что раздавалось из-под красного пластика, вообще можно назвать мелодией. Короче – он зазвонил. В ней раздался раскатистый бас нашего министра.

– Зайди. Трубка противно загудела сигналами отбоя. Почти бегом спускаясь со своего четвёртого этажа на покрытый хивинским ковром второй, где и располагался кабинет министра, я мысленно прокручивал в уме все свои возможные прегрешения, за которые меня следовало вызвать на ковёр. Таковых не обнаруживалось: так, мелкие шалости, и не более того.

Понятное дело, хозяин кабинета сесть мне не предложил.

– Как обстоят дела с реконструкцией мельницы в Катта-Кургане? Оборудование всё на месте?

Перед министром лежала моя докладная записка, где чёрным по белому излагалось, что до настоящего времени в республику не поставлены два очень нужных сепаратора.

Я молча стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что ответить грозному начальству.

– Как у вас у русских говорят. Не будем теревить хвоста за кот. Или наоборот. В общем, так. Ты прямо сейчас спускаешься в АХО. Наш дорогой Абдумалик Каримович уже раздобыл на твоё имя дефицитный билет до Москвы. Забирай его и дуй в аэропорт. На всё тебе час времени. Смотри, не опоздай на рейс. Сам же знаешь, летом у нас билеты сейчас раздобыть....

Я ничего не понимал и продолжал изображать из себя «соляной столб».

– Вышестоящие товарищи отыскали машины. В Т... они застряли. На комбинате хлебопродуктов. Почему нам до сих пор не отправили, не знаю. На месте разберёшься. Сегодня у нас, что? Понедельник. Обратный билет у тебя на среду. Прилетишь в Ташкент, сразу ко мне. Доложишь об отгрузке! Иного отчёта не приму. Так и знай, – он перевернул докладную. За ней лежало моё заявление на очередной трудовой отпуск.

– Это подпишу сразу. Если приедешь «со щитом»! А если на «щите» – отдыхать отправишься зимой. Ты к стуже привыкший?

Я тогда не обратил внимание на последнюю фразу министра, а зря.

Ехать через весь огромный город домой, чтоб собраться – бесполезно. Однозначно опоздаю на рейс. В чём был, а именно в (приобретённой по благу) венгерской рубашке с коротким рукавом и в белых брюках (мечта товарища Бендера!) вылетел в белокаменную. В кармане лежали две красненькие десятирублёвые бумажки с портретом Ильича. Всё, чем успел, (впопыхах) разжиться у сослуживцев.

– Пристегните ремни, наш самолёт приступил к снижению, и через двадцать минут совершит посадку в аэропорту Домодедово. Температура воздуха в столице Родины – плюс 10 градусов!

– И это днём! – Пронеслось у меня в голове. – Ночью вообще на почве могут быть заморозки.

Союзное министерство завершило свою работу строго по расписанию. После нервного стука в громадную парадную дверь меня таки впустили. Вахтёр не спеша изучил моё, дрожащее с головы до ног, тело. Затем, поправив очки, минут пять читал командировочное удостоверение. С явной неохотой выдал другое. «УВД и г. – Предъявитель сего имеет право поселиться на девятом этаже здания, расположенного по адресу... Сроком на двое суток».

«Ну, УВД понятно, а причём тут „г“? И ещё маленькими буквами?» – размышлял я в автобусе, неспешнодвигающемся в сторону Алтуфьевского шоссе. Где мне и предстояло провести две ночи, в тёплом (я очень на это надеюсь) номере.

Из съестного в ближайшем гастрономе имелось: «Соль йодированная», газированная вода «Буратино», хлеб «Бородинский», повидло «Яблочное» в трёхлитровой банке. Объективности ради надо сказать, что в магазине всё же реализовывались иные съестные припасы. Но они отпускались исключительно по удостоверению москвича. Строгий вахтёр, к сожалению, такой нужной «ксивой» меня не снабдил.

Неподалёку от моего «лежбища» располагался работающий, несмотря на поздний час, обшарпанный киоск «Промтовары». По всей видимости, спешно переделанный из пункта приёма стеклотары.

– Ес-ть у вас ка-ка-я-нибудь ку-р-тка или сви-те-р? Оче-нь на-до, – стуча зубами, поинтересовался я.

– На тебя только вот это налезет! – Продавщица, занимающая своим телом две трети торгового помещения, бросила мне что-то, отдалённо напоминающее спецовку б/у.

– Бббе-ру. Ско-ль-ко?

– Тридцатка, но, так и быть, десятку могу уступить. Что за день сегодня! Ничего толком не продала и это в убыток отдаю. Потому как размер не ходовой. Ну, чего ты там выкабениваешься? Берёшь, так бери. Мне закрываться надо.

Молча вернул одежонку. По всей видимости, в этот момент на глазах моих выступили предательские слёзы. Но в темноте и начавшем моросить дожде их уж точно было не рассмотреть.

На следующий день

Завтрак мой состоял из хлеба с вареньем и воды из крана. (Хлорированная до ужаса. Но не тратиться же на «Буратино»).

Я помчался на вокзал, дабы первой электричкой отбыть в неизведанную Тулу.

– Мужик. Ну да! Ты. Обокрали, что ли? В рубашке без рукавов по перрону шастаешь. Помоги ящики донести. А то грузчики ещё не подъехали. А я за это...

(«Заплачу!» – Радостно пронеслось в голове.)

– Тебе бананов импортных продаж. По себестоимости, – продавщица в грязно-белом халате указала на десяток ящиков, стоящих поодаль.

– Лад-но, хо-ть со-гре-юсь, – согласился я, – ска-жи-те, а у вас в Мо-ск-ве, в авгу-сте всег-да так хо-лод-но?

– Не. Вчера по телевизору сказали, к нам прорвалось, это, как его. Вспомнила – Ультраполярное вторжение. Ты же видишь, что в стране творится, вот и погода соответствующая. Короче, бери свои положенные два килограмма в одни руки и гони пять рублей двадцать копеек. Считай, у тебя сегодня день удачно начался. Заморский фрукт без накрутки отхватил. Питайся. Им, конечно, не согреешься. Он не водка, но закусь отменная.

Я хотел у неё спросить, если она торгует импортными бананами, то должны быть и отечественные. Не успел. Грязно-зелёная электричка Москва-Т..., отчаянно сигналив, спешила занять своё место между поездами дальнего следования.

+6. – Табло расположенное на здании Ту...го вокзала бесстрастно сообщило, что жить мне осталось совсем недолго. Хорошо, если окоченею сразу, не мучаясь. Но скорее всего, закончу свои дни в местной больнице, с диагнозом двухстороннее воспаление лёгких.

Несмотря на самый разгар рабочего дня, комбинат встретил меня гнетущей тишиной.

– А никого сегодня нет и не будет. Я одна за всех, – на одном дыхании выпалила миловидная девчушка. – Ой, да вы совсем закацубли! Давайте, я вам чайку сварганю.

– Сссс-пас – си-бо. Бо-ль-шое. А не скааа-жи-те. Где все?

– Ой! Так на похоронах. У нас механик сгорел, вот и пошли его в последний путь провозать.

Отхлебнув из кружки кипятка с плавающим пакетиком много раз заваренного чая, я продолжил.

– Соболезную. Наверное, у вас пожар случился. Очень жаль. У нас, в Азии, такое хоть и редко, но тоже бывает.

– Ой! Ну вы тоже скажете. Допился наш Васька до чёртиков, и сгорел от неё, проклятушкой. Комбинат всё равно стоит. Сырья нет. Вот и пошли всем коллективом на похороны. А я осталась. Потому как не пьющая, совсем.

– Мне бы последней электричкой в Москву вернуться. Я завтра должен назад лететь. Директор или главный инженер после обеда появятся?

– Нет, конечно. Только на следующей неделе. И то не факт. Я же сказала, поминки. Пока всю брагу не прикончат, не уйдут. А вы, собственно, по какому вопросу?

– Я по вопросу сепараторов. Мы их очень ждём. Реконструкция у нас.

– Видела их. Зелёненькие такие. Новые. Стоят возле склада.

– Мне бы ещё командировочку отметить. Положено так. Иначе бухгалтерия билеты к оплате не примет.

Девушка порылась в столе, достала оттуда связку ключей.

– Бухгалтерия у нас там. Откройте. Печать на тумбочке. Ставьте, куда надо, и сколько душе угодно. А я сейчас вернусь, – при этих словах её глаза блеснули каким-то колдовским светом.

– Я в бухгалтерию, а она в милицию. Дескать, проник, грабит, – пронеслось в моей голове.

По всей видимости, девушка умела читать мысли. – Ой! Да не бойтесь. Шлёпайте свои печати. Записочку напишите. Да покрупнее. Мол, отправьте сепараторы. Срочно. Без них люди голодают! А я за одежкой сбегая. Рубашечка у вас клёвая, но не по погоде.

В электричке мои соседки громко рассуждали о том, в каком московском магазине вечером могут выбросить дефицитный продукт. В свободную продажу. И косились на сумасшедшего мужика в красивой рубашке и замызганной донельзя короткой куртке.

Я вынул из сумки бананы и стал их с жадностью поглощать.

– Надо же! В Т... бананами разжился, – прошептала одна.

– И чего его в Москву на ночь глядя несёт? Ежели у нас в городе такой блат имеет.

– Ну? Приедут сепараторы? – Министр смотрел на меня, словно Ленин на буржуазию.

Что я мог ему рассказать? Просто кивнул в знак согласия.

– На. Держи, – хозяин кабинета протянул мне подписанное заявление, но без даты, – поставишь её сам. Когда машины придут. Так по справедливости будет.

Две недели спустя я получал в бухгалтерии отпускные. И вспоминал далёкую девушку. Заваленную бумагами тумбочку. И мою записку – «УМОЛЯЮ! ОТПРАВЬТЕ СЕПАРАТОРЫ, КАК МОЖНО СКОРЕЕ. ОЧЕНЬ КУШАТЬ ХОЧЕТСЯ!»

АХО- архивно-хозяйственный отдел.

«УВД и г» – Управление высотных домов и гостиниц.

Стрелки или мои воспоминания о прошлых, восьмидесятих

Вы знаете что больше всего я не люблю в жизни. Нет, не чистить лук. И не вытирать пыль, в своём кабинете. Самое страшное для меня, это гладить брюки, через тряпочку. Чтобы стрелки получались не двойные, а одинарные и острые. Слава законодателям моды и низкий поклон за то, что они придумали мятые предметы мужского гардероба.

А я, между прочим, из-за этого женился. И не смейтесь. Моя ммм... Скажем, невеста так выгладила шерстяные брюки, производства швейной фабрики «Освобождённый труд», что все сомнения в необходимости этакого шага в моей судьбе окончательно отпали.

Только мода то, прошла, а жена осталась.

Товарищи кутюрье, вы уж там с модными зигзагами, пожалуйста поосторожней. Не меняйте её, треклятую, хотя бы лет десять, а то и по более.

Тогда и советские семьи, как моя, будут крепки и надёжны.

В конце восьмидесятих, прошлого века, на территории Советского Союза образовалась «чёрная дыра», а как ещё назвать ту субстанцию, в которой исчезало всё. Мыло туалетное, а заодно и хозяйственное. Я не говорю уже о водке и прочих слабоалкогольных напитках.

И надо же, в это самое время сломалась, скалка для теста. Подарок моей мамы, то бишь свекрови, любимой.

– И кто же в нашей семье добытчик? – Супруга сложив руки на бёдрах, смотрела на меня, без всякого немого укора. – Мяса в доме даже пары молекул не отыскать. (Это не совсем хорошо, когда у жены такое же высшее образование, как и у тебя. Только диплом красный!) – Я так понимаю на охоту за мамонтом ты не пойдёшь? Ввиду их полного вымирания. Тогда хоть скалку раздобудь. Если и они тоже не вымерли!

Кивнув в знак согласия, я быстренько отправился к соседу, токарю Колянычу.

– Выручай дружище. Видел у тебя на работе болванки латунные без дела валяются. Сваргань мне из них качалку для теста. Она потяжелей деревянной будет и уж точно по надёжней.

Ой, как сильно не подумавши, я это произнёс. Совсем не предвидел тяжёлые (в буквальном слове) последствия.

Много лет сей предмет кухонной утвари служит жене верой и правдой. И зачастую не по прямому назначению.

Стоит мне задержаться в компании друзей, как в прихожей меня встречает верная спутница жизни. С латунным орудием, предстоящего преступления, в руке.

Нет, она не произносит традиционное в таких случаях. – Где ты был, кислород, одноатомный, или сколько триметилбутана (то бишь спирта этилового) принял на душу?

– А ну ка, сообщи мне, количество электронов в ядре атома урана 238?

Если я не отвечу немедленно, и не заплетающимся языком, то тут же следует урок прикладной химии.

Поэтому мужики, мой вам совет, покупая предметы кухонного инвентаря, обращайтесь внимания на их массу. Ибо чем тяжелее они, тем крепче будет ваша супружеская жизнь. Проверено на собственном опыте!

По должности положена девушка

Восьмидесятые годы прошлого века. Одно из республиканских министерств Советской Союзной республики Средней Азии

Номенклатура!!! – Именно так с тремя восклицательными знаками. Если в неё приняли, всё! Считай жизнь удалась. Что бы ты не натворил на руководящем посту, тебя с треском не выгонят, а тихо и незаметно пересадят в другое не менее начальственное кресло. Потому, что ты свой! (Можно сказать, из одной стаи!)

Акмала Каримовича-директора одного из периферийных предприятий срочно вызвали на коллегия министерства. Выслушали доклад и постановили- «С должности немедленно снять! Дабы он ещё чего, ...». Обычная, в таких случаях формулировка. В самом деле не передавать же материалы в правоохранительные органы. Оставили служить, здесь же. В министерстве. Вроде бы, человек ушёл на повышение, в столицу республики.

Пусть посидит пока в «ведущих инженерах». Осознает, одумается. И больше так не будет. А глядишь через полгодика Управление кадров подыщет для него тёплое руководящее кресло. Потому как он человек проверенный, номенклатурный.

На новое место работы Каримович приходил вовремя. Кивал простым (не ведущим) инженерам. Протискивался в свой, персональный закуток. Доставал из кармана свежие газеты и затихал до обеда.

Начальник управления его не тревожил. Себе дороже. Мало ли кем могут назначить временного подчинённого.

Меж тем, откуда-то из далёкой Москвы в республиканское министерство спустили «циркуляр». – «Личный штат аппарата сократить на ... процентов. Дабы сэкономить фонд заработной платы на ... %.

Поскольку подобные приказы спускались сверху с завидным постоянством, то местное руководство к ним привыкло. И выполнило в указанный срок. Быстренько создало подведомственную лабораторию и перевело туда нужное количество сокращаемых. Не забыв при этом компенсировать потерю министерских корочек небольшой прибавкой к зарплате.

Если вы думаете, что основная задача сотрудника нашего ведомства среднего звена заключается в составлении всякого рода отчётов и графиков, для вышестоящего начальства, то это далеко не так. Изнурительные, многодневные командировки в самые отдалённые уголки республики. Работа с машинами и механизмами по двенадцать часов в сутки, без выходных и праздников вполне обыденное дело. План, есть план. И положенное количество продукции должно быть произведено и отгружено, согласно выписанным накладным.

За каждым специалистом управления, был закреплён один или несколько комбинатов. И срыв плана, в первую очередь, спрашивали с него, а не с местного (номенклатурного) директора.

Мне досталось большое предприятие расположенное на границе знаменитых Кызыл-Кумов. В помощь выделили стайку девушек из лаборатории. (тех самых, которых сократили из министерства).

В республике началась хлопковая страда. Всё взрослое и не очень население добровольно-принудительно отправлялось в поля. А их кормить надо. Чем? Да лепёшками

конечно же! А чтобы их испечь нужна мука. Значит вверенный мне комбинат хлебопродуктов должен «выдавать на-гора» этот продукт, трёх сортов, без перебоев и как можно больше. Что такое КЗОТ на комбинате давно забыли или не знали вовсе. «Пахать», то бишь трудиться приходилось посменно, часов по двенадцать, а то и по более. Но! Да здравствует «великий закон чиновничества!» Каждому командированному предоставлялось жильё, в строгом соответствии с занимаемой должностью. Девочкам из лаборатории, койка в комнате на шестнадцать мест. А мне как сотруднику аппарата полагалась отдельная кровать в номере на двоих, но с кондиционером.

– Саш, у тебя же одна койка пустует? – Обратилась ко мне бойкая лаборантка Тоня.

– Да.– Ответил я. Не понимая, к чему этот вопрос.

– Мы же с тобой в разные смены работаем, так?

– Ну.

– Что значит, ну! Свадьба у меня, сразу после хлопковой компании!

– Поздравляю. Надеюсь, пригласишь?

– Непременно.

– Только причём здесь кровать в моём номере?

– Ну ты непонятливый. Всё тебе объяснять надо. Разжевать?

Я кивнул соглашаясь. И не мигая смотрел на коллегу.

– Нам здесь ещё не менее месяца вкалывать, так?

– Допустим.

– А как я, по твоему буду выглядеть, к концу командировки, живя в общежитии, да и ещё и в комнате без «кондюка»? Половина девчонок в одну смену «пашет», половина в другую. Выспаться совершенно не возможно. Я уже не говорю, об общедоступных средствах гигиены.

– И ты, наглым образом, хочешь нарушить субординацию и перебраться ко мне?

– Наконец-то. Догадался. Хвала небесам. Я же невеста! Не уж то, не понятно! И мне на свадьбе положено быть самой обаятельной и привлекательной!

– А как же жених? Он мне того, не навалит, по приезду?

– Не бойсь! Я с ним уже всё обговорила. Так сказать, обрисовала ситуацию. Он в тебе уверен.

– Спа-си-бо за до-ве-рие.– Выдавил я.

– Да мы с тобой и видеться толком не будем. Тебя днём нет, меня ночью. К тому же я себя блюду. Всё чем природа наделила, только для суженного.

Я набрал полные лёгкие воздуха, чтобы отказать подчинённой, в самой категорической форме. Но, в столовую ворвался запыхавшийся рабочий, бесцеремонно схватил меня за рукав и поволок к выходу. Это значило только одно. На старенькой мельнице случилось очередное ЧП и моё присутствие там крайне необходимо!

В этот день судьба решила добить меня окончательно. В административном корпусе расписался за телефонограмму из министерства.

– «На комбинате начинает работу чрезвычайная комиссия по выявлению родственных связей! Необходимо в отделе кадров выявить явных и скрытых родственников, работающих в подчинении друг друга. И незамедлительно подготовить приказ об увольнении. В состав комиссии так же включён Акмал Каримович.

– «Ну хоть в этом повезло. Поселят его в моей „коморке“. И проблема с Антониной разрешиться сама собой.» – пронеслось у меня в голове.– «Хорошо, если бы, не храпел, во сне».

Однако не тут то было. Номенклатура, она и в Кызыл-кумах-номенклатура. Бывшего директора руководство комбината разместило в соответствии с его прошлым статусом.

А моё лежище, вечером того же дня, украсили несметные количества баночек с духами, кремами и прочей «совершенно ненужной» ерундой.

Пять дней спустя

Еле волоча ноги после изнурительной смены я почти на ощупь (глаза закрывались несмотря на то, что тело всё ещё пребывало в вертикальном положении.) пробирался к своей заветной койке. Но без душа от мучной пыли не избавиться. Пришлось топать в конец здания, где размещались вожаемые предметы современной цивилизации.

– Александр! Здравствуй! – окликнул меня Акмал Каримович.

– Доброго дня-еле слышно буркнул я.– Практически засыпая на ходу. Аки лошадь.

– Я тут углядел, что из твоего номера девушка выходила. Прехорошенькая. Это как объяснить? Аморалка или у вас всё по серьёзному?

Сон пропал. Мгновенно родился оригинальный (на мой взгляд) ответ. (Пожалел о нём. Но как говорится, сказанное слово назад не вернёшь!)

– Мы в командировках дней тридцать, а то и по более пребываем. Вот начальство и решило. Здоровье ведущего состава надо беречь. Опять же, дабы исключить физический контакт с местными особями женского пола.

Акмал Каримович кивнул соглашаясь. Мой ответ его полностью удовлетворил.

– «Если вздумает рассказать о нашем разговоре в министерстве, его просто засмеют» – подумал я и шагнул под бодрящие струи душа. Вода в пустыне, скажу я вам, это нечто! Был бы поэтом, посвятил бы ей целую поэму.

прошло два месяца

Отшумела, Тонина, комсомольская свадьба. Отныне я с молодым супругом-кунаки!

Жизнь в министерстве текла своим чередом. Нового директорского кресла для Акмала Каримовича всё ещё не сыскали. И начальник управления чаще стал привлекать ведущего инженера к рутинной командировочной работе.

– Поедите на пару недель в Хиву. Там комплексная ревизия. В помощь сотрудникам контрольного управления. На сколько я помню, бумаги, это как раз по вашей части.

Опальный директор нехотя отложил очередную газету. Поднялся.– А что больше некому?

– Увы нет. Все в разъезде. К тому же они специалисты несколько иного профиля.– В голосе шефа появились угрожающие нотки.

– А с лаборатории кого дадите. Хотелось бы по моложе. Посвежее.

– Что значит по свежее?

– Но ведь я на целых две недели уезжаю. Как же без женщины? Мне положено по статусу, как Александру.

***Секретарша директора комбината разыскала меня на мельнице и смущаясь вручила телефонограмму от шефа.

«По приезду, немедленно ко мне! С подробным докладом, что тебе, НАХАЛУ по статусу положено!»

Культурная программа

1980 год. Министерство хлебопродуктов одной из среднеазиатских республик СССР. Главное управление мукомольно-крупяной промышленности. Отдел перспективного развития

Нынешней молодёжи трудно объяснить, как выглядело переговорное устройство одно-сторонней связи. То есть без диска номеронабирателя, на передней панели. На такой аппарат позвонить можно, а с него нельзя. Они, как правило, были ярко-красного цвета, и в центре телефона располагался золотой герб Советского Союза. Обладатели таких устройств страшно гордились ими: наличие сего агрегата сильно подчёркивало статус владельца.

Не знаю уж, почему, но эти телефоны обладали скверным типом звонка. И мой организм со временем выработал стойкую антипатию к мелодиям этого агрегата. Если то, что раздавалось из-под этого пластика, вообще можно назвать мелодией. Короче – он зазвонил. В трубке раздался раскатистый голос министра.

– Зайди.

И дальше, не предвещающие ничего хорошего, сигналы отбоя. Почти бегом спускаясь со своего четвёртого этажа на покрытый хивинским ковром второй, где и располагался начальственный кабинет, я мысленно прокручивал в уме все свои возможные прегрешения, за которые меня следовало вызвать пред суровые очи. Таковых не обнаруживалось: так, мелкие шалости и не более того.

Понятное дело, хозяин кабинета сесть мне не предложил. Но смотрел по-отечески добро.

– Напомни, сколько у тебя было командировочных дней в прошлом году? – пробасил он.

– Триста. Примерно, – потупившись, ответил я. – Точно не считал, не до того было.

– Да. Многовато выходит. Ну, сам понимаешь, наша партия говорит надо, комсомол отвечает. Что там комсомол отвечает? Я запомнил...

– Есть, – буркнул я, стараясь понять, к чему это высокое начальство клонит?

– Ну, есть, так есть. Поедешь ещё в одну. На месяц. Радуйся.

Я молча переминался с ноги на ногу. Уезжать из цивилизованного и уютного Ташкента, да ещё на целый месяц-не велика радость.

Хозяин кабинета нажал кнопку селектора.

– Наргиз. Скажи им, пусть заходят.

В кабинет вошли человек пятнадцать. Крупчатники, то есть технологи мелькомбинатов, разбросанных по всем областям республики.

– Знакомьтесь. Вот он будет у вас за старшего. – Министр кивнул на меня.

– Да знаем мы его. Сколько уж лет вместе работаем! – Ответил за всех самый бойкий из вошедших, по имени Фарух, технолог комбината хлебопродуктов, расположенного в далёком предгорном посёлке, с красивым именем-Сары-Ассия.

– Ну и прекрасно. – Министр поднялся из-за стола. Прошёлся вдоль неровного строя приглашённых. – В столицу нашей великой державы едете. Как это по-русски будет? Вспомнил! В белокаменную. Огромный такой городище. Больше чем все ваши кишлаки вместе взятые. Разнарядку прислали! Учёба предстоит! На курсах повышения квалификации. В республику скоро новое оборудование поступит. Его надо грамотно э, э, эксплуатировать, вот. Не за рубли куплено, за валюту иностранную!

Он с минуту помолчал, а затем махнул рукой и продолжил. – Давайте уж на чистоту, мы же все здесь-мужики. Короче. В каждом, или почти в каждом, посёлке всегда найдётся эта. Ну, эта. В общем, падшая женщина. И вы все её знаете. Ведь так? – Министр почему-то

посмотрел на Фаруха и тот не задумываясь кивнул, в знак согласия.— А в Москве подобных женщин не одна, а много, можно даже сказать, очень. И вы их не знаете! К чему я это вам говорю?

Крупчатники дружно пожали плечами.

— А к тому, чтобы вы по ним, то есть по женщинам ни, ни. Потерпите месяц! Моряки вон в рейсах по пол года, того, без них обходятся, и ничего.— При этих словах хозяин кабинета протянул мне пухлый конверт.— Это на культурно-массовые мероприятия. Чтобы каждый вечер были в театре. Знаешь сколько их в столице?

Настала моя очередь отрицательно качать головой.

— Плохо! Так вот знай. Без малого тридцать, а с малым тридцать один! И у вас столько же командировочных дней. Усёк. И использованные билеты не выбрасывай. Привезёшь и сдашь в бухгалтерию. Деньги они, сам знаешь, что любят? По возвращении представить мне отчёт о спектаклях и кинофильмах, которые посмотрите. Лично сам читать буду, или парторгу отдам. Пусть позавидует немного.

В шикарном фойе здания, института повышения квалификации, за маленьким столиком сидела девушка и предлагала всем желающим приобрести билеты на спектакли и концерты.

— Молодой человек вам сколько и куда?

— Шестнадцать и всё равно!

Её глаза мгновенно округлились.— Я не ослышалась? Вам действительно столько?

— Да. На всю команду! Видите вон ту банду, в тубетейках. Это мои заядлые театро, балетоманы.

— Ой! Вы мой спаситель. Сегодня никто ничего не покупает, план горит!

— В таком случае, я поработаю пожарным. Если вы не против? Но мне же надо знать имя той, которую я мужественно вытаскиваю из пламени. Согласитесь, сие справедливо!

— Екатерина. Можно просто Катя.— Девушка отсчитала билеты.

Ко мне подошёл Фарух.— rahbar (руководитель. Узб). Ребята просили передать, что они сегодня в театр пойти не смогут. Понимаешь, вечером наш Пахтакор с самим Спартаком играет. Они на стадион поедут. И ещё! Тут такое дело. У меня в Москве девушка имеется. В общем, я со всеми, жить не буду, ладно? Сам понимаешь, весна на дворе и всё такое. Только на защиту выпускных работ приду. Не подведу! Всё на отлично сдам. Обещаю. Считаю, что у тебя в команде один студент-заочник объявился. А с меня за это магарыч. Попросишь, всё достану, раздобуду. Я же здесь пять лет учился. Почти коренным жителем стал.

Катюша слышала весь разговор. Покраснела.— У меня нет билетов на стадион. Я же от театральной кассы работаю. Что теперь делать? Вы тоже с ними на футбол пойдёте?

Мне очень захотелось погладить её по голове. Я даже протянул руку, но удержался.— У нас в Узбекистане джигиты своё слово держат. Сказал шестнадцать, значит шестнадцать. Только мне гид вечером понадобится. Я же ни за что не найду улицу, на которой театр расположен!

Жестом щедрого восточного принца я раздал жаждущим «лишнего билетика» четырнадцать серых прямоугольников, оставив нам с Катюшей два самых «козырных». В самом деле, не продавать же излишки безбилетным бедолагам. Ещё чего не хватало, заниматься незаконным обогащением, то бишь банальной «фарцовкой», да ещё в самом центре города.

Спектакль был великолепен. По дороге к Катиному дому, мы обсуждали предстоящий репертуар, состав труппы и тому подобное. Выяснилось, что моя спутница жила почти рядом с общежитием, куда нас поселили. И вот там меня ожидал очень неприятный сюрприз, облачённый в мундир лейтенанта внутренних дел.

— Следуйте за мной.— Проверив паспорт, приказал служитель порядка.

В «обезьяннике» местного отделения РОВД сидела вся моя «мельничная» команда. Сказать, что вид у них был помятый и неряшливый-не сказать ничего. У доброй половины слушателей курсов заплыл один глаз, а у некоторых и все два. Одежда несчастных очень пригодилась бы актёрам, в качестве сценических костюмов для знаменитого спектакля «На дне».

– Katta mirabbiy (Старший наставник. Узб.) Обратился ко мне один из потерпевших.-Это не мы. Они первые начали. Мы защищались. Немного. Ну, как могли.-Он потупил глаза. -Их знаешь сколько было?

– Целый стадион-хором поддержали его задержанные. Все здоровенные! И главное мы им ничего не делали. Не оскорбляли. Просто кричали «Пахтакор вперёд! Давай. Забивай». Милиционер показал им кулак и все разом смолкли.

– Читай.- Лейтенант протянул мне добрую пачку листов. – Это всё заявления от потерпевших.

– Katta- это не мы. Точно! Мы никаких бумаг не писали! Совсем!

– Циц. Хулиганы. Разбойники и дебоширы. Разберёмся. Отсидите суток пятнадцать, будете знать как слово «Пахтакор» кричать в спартаковском секторе стадиона. А эти документы я сейчас начну приобщать к делу.- Лейтенант хотел ещё, что-то добавить, но вдруг вытянулся и козырнул.

В кабинет вошёл седовласый майор.- Первый день в Москве и нате! Массовую драку учинили! – Он забрал бумаги. Стал читать и по одному листку кидать в урну. На одном его взгляд задержался.-Надо же и Валдаев туда же! Потерпевший ети его....! Сто сорок килограмм живого веса. Кандидат в мастера по боксу. Бумаженцию накалякал! Да он одним взглядом всех твоих горе болельщиков испепелить может! -Поднял голову, подумал с минуту, а потом приказал.

– Лейтенант. Выпускай гостей. Заявления уничтожить. Нас же на совещании коллеги на смех подымут. Полтора десятка узбеков спартаковских фанатов избили. А этим нашим наука будет! Оклемайтесь и на балет. Или на фигурное катание. Подымите руки те, кто ледового катка в глаза не видел.- Он пытался придать лицу грозный вид, но не выдержал и рассмеялся.- Марш в общагу. Мыться, лечиться и спать.

Дни летели с невероятной быстротой. После занятий, мы дружно спешили знакомиться с театрами или концертными залами. Екатерина оказалась превосходным экскурсоводом. Я был благодарен «заочнику» Фаруху. Предназначавшийся ему билет ежевечерне укреплял наше знакомство с очаровательной Катюшей.

Настала пора возвращаться домой. В то время раздобыть пятнадцать билетов на рейс Москва-Ташкент, да ещё на новейший широкофюзеляжный самолёт ИЛ-86 было дело фантастическим. Выручил Фарух. Уж не знаю сколько суток он дежурил у касс Аэрофлота, тыкал всем руку с нарисованным номер очереди, но заветные зелёные листочки, с отрезной сеткой стоимости, таки раздобыл.

Я спустился в вестибюль попрощаться с нашим театральным гидом.

По щекам Екатерины текли слёзы.

– Ну, ну не плачь. Земля круглая. Да и мы с тобой в конце-концов в одной стране живём. Доработаешь до отпуска и махнёшь к нам в Узбекистан. Дыни. Арбузы, урюк, виноград! Красотища. Знаешь как у нас гостей встречают?

– Она вытерла тыльной ладонью руки слёзы и молча протянула мне два билета.

«Добрый человек из Сезуана». В роли безработного летчика Владимир Высоцкий.

Спектакль должен был состояться на следующий день, после нашего отъезда!

– У девченок выменяла на десять билетов Хазанова. -Она молчала пару минут, а затем встала на цыпочки и прошептала. -Для нас с тобой.-Отвернулась и снова всхлипнула.

– Фарух. Скажи честно. Я тебя за это время хоть раз подвёл?

– Нет. А к чему вопрос?

– Кто тебя отмечал целый месяц, как присутствующего? Кто твоё отсутствие скрывал от куратора института?

– Так я же отработал всё сполна! Как и обещал защитился на отлично. Билеты на ИЛ-86 раздобыл. Думаешь легко было? Никто ещё не летал. А мы полетим! Классно. Всем рассказывать будем! Две палубы! Супер!

– Вы полетите!

– Не понял? Как это? Ты что, не с нами?

Я протянул ему свой билет.– Ты же всё можешь. Sehrgar (волшебник. Узб.). Сделай так, что бы я улетел, только послезавтра.

– Но ведь ИЛ в этот день не летит! Да и вообще, как ты себе это представляешь? Мне, что опять ночь не спасть?

К нам неслышно подошла Екатерина.– Я эти билеты продавать не буду. Сохраню на память.

Фарух взглянул на мятые листочки. Мгновенно всё понял и исчез. Он же у нас sehrgar.

– Значит так. На спектакль приходим часа за три, до начала.– Катюша встала на цыпочки и пыталась заглянуть мне в глаза.

– Это ещё зачем. Да и кто нас в театр пустит?

– Не спорь со мной. Пожалуйста. Знающие люди говорят, что так надо. И всех пускают. Только надо сесть молча.

– Три часа до начала спектакля, да ещё молча? Ты часом ничего не напутала?

Толпы у театра не наблюдалось. Но завсегдаи действительно небольшими стайками начали собираться за три часа до начала спектакля.

Тихо, как мыши, рассаживались на свои места и слушали затаив дыхание.

Высоцкий сидел на стуле у самого края сцены. Что-то наигрывал, что-то записывал в большой тетради, стоящей перед ним на пюпитре. Некоторые песни играл целиком, некоторые, только куплетами. Однако неповторимое чувство сопричастия к его творчеству переполняло присутствующих. Некоторые попытались хлопать. Но на них тут же зашипели и зашикали. Виновные моментально осекались и больше ничего подобного себе не позволяли.

Наконец Володя поднялся поклонился и ушёл за кулисы. Я оглянулся. Зал был забит битком. А через минуту поднялся занавес. Спектакль начался. При этом ни первого, ни второго, ни третьего звонка не давали. Я так понимаю, в этом не было никакой надобности!

Спустя четыре месяца москвичи хоронили всесоюзного кумира. Не было никаких призывов приходить, попрощаться. Олимпиада. Первая в Советском Союзе. Катюша писала, что людей пришло нескончаемое море. И ни одного скандала, и никакой давки.

Из-за своих бесконечных командировок, отвечал на её письма с большим опозданием или не отвечал вовсе. В столицу не посылали. В общем я её больше не видел. Но пожелтевшие прямоугольнички, с оторванным контролем храню. Недавно показал их своим повзрослевшим детям.

Они пожимают плечами. – Стареешь батя. Всё же в интернете есть. Только мышкой кликни!

РАССКАЗЫ О ГОРОДЕ И КРАЕ

Гаражная история

В Краснодаре зима. Канун Нового года. Снега нет и в помине. С лёгкой руки классика, домочадцы прозвали такую погоду-ужиной! (Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!*). Как в старушке Европе.

Чем занимаются тамошние мужики, в преддверии Рождества? Топают в бары и таверны. И за порцией доброго эля или винца, судачат о делах и событиях уходящего года, строят планы на ближайшее, и не очень, будущее. А наши-то, чем хуже? Только у нас традиция иная, гаражная.

Вон там, внизу, свет пробивается через неплотно прикрытые массивные ворота. Популярный в нашем квартале клуб, мастера на все руки, Колянныча.

Автомобиля у меня нет, ни личного, ни персонального. Однако гаражные посиделки, порой, посещаю и я. Читаю завсегдатаям главы из новых книг. Выслушиваю, нелицеприятную, но объективную, критику. А случается, что и скупую, мужскую похвалу, более значимую, для меня, чем диплом лауреата престижного литературного конкурса.

В общем, засиделся я в трёхкомнатной каморке. Пора, туда, на огонёк. Тем более, что Колянныч давно собирался показать какую-то старинную штуковину.

– Полюбуйся! – Хозяин гаража протянул наклеенную на толстый картон, пожелтевшую фотографию. -Вишь мужика в кожанке, рядом с аэропланом. Знаш, кто?

Я всмотрелся в волевое лицо, залихватские усы и припоминал, что видел изображение этого человек и даже наводил о нём, кое-какие справки. Потёр лоб и нерешительно произнёс – Вячеслав Ткачёв?

– Тут, такое дело. Чинил я машину ра-ри-тет-ную, одному толстосуму. Занятная бегалка. Пришлось разобрать до винтика, а в багажнике я вот это и нарыл. – Он показал на пухлую папку, лежащую на верстаке. Хозяин авто хотел выбросить, да я не дал. Приберёг. В общем, мы с мужиками покалякали, да и решили тебе подарить. На Новый год. Коль железным конём не обзавёлся и авто штучки, дрючки, твоей личности, точно -без надобности.

Я открыл рот, чтобы оповестить собравшихся, что мол за мной не заржавеет. И бутылка, понятное дело... Но Колянныч опередил.– За это, с тебя, подробный сказ. О летуне. Интересно, каким ветром белопогонника на Кубань занесло? Была ли от него польза? Или кидал с высоты бомбы на головы дедов наших, то бишь, на красноармейцев?

Мы сейчас с хлопцами вон ту колымагу, как это по научному? Вспомнил! Ре-а-ни-ми-ро-вать будем, а ты ступай, почитай бумаги. К субботе разгрести успеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.